

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

ТОВ.СТАЛИНУ

Направляю заявление арестованного Уборевича И.П.
от 9-го июня 1937 года.

Народный Комиссар
внутренних дел Союза ССР

Ежов

10 июня 1937 года
№ 57801

30-ае.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
тов.ЕЖОВУ

От арестованного
И.П.Уборевича

З а я в л е н и е

Следствие по делу об ужасном моем преступлении закончено. Вскрыты основные моменты моих антисоветских контрреволюционных дел. В этом заявлении я хочу еще раз вскрыть и понять причины моего политического падения, как бывшего командира РККА. Я пришел в революцию из среды простого трудового народа и не колебался в самые трудные годы борьбы за советскую власть как в гражданскую войну, так и в последующие годы, примерно до конца 1934 г. Я имел таких замечательных политических воспитателей, как Орджоникидзе, некоторые годы Микоян и другие. Я не был никогда троцкистом, зиновьевцем или органич.связанным правым. И все-таки я так низко пал, как быв. командир и гражданин, что от стыда и позора невозможно поднять глаза перед честными советскими людьми. Мне кажется, что причины и путь моего политического падения следующие:

Работая в Смоленске в последние годы, я лишен был постоянного политического руководства. Румянцев влиял скорее отрицательно. Политической пролетарской закалки я не прошел. Занимая большой пост военного командира в последние годы, я оторвался от партии и от народа. Много занимаясь военным делом, я забыл о своем политическом большевистском воспитании. Были, безусловно, у меня политические колебания правого порядка (мои антипартийные разговоры с Румянцевым, постоянное нытье и брюзжание). Мое настоящее антипартийное, антисоветское падение и разложение началось с политической групповщины (Тухачевский, Якир, Уборевич, иногда примыкал Гамарник) против Ворошилова и единства руководства армией. Конец

1933 г. и 34г. и влияние группы таких же беспринципных оголтелых интриганов скатывало меня со ступеньки на ступеньку политических преступлений.

Во внешней политике это совпало с образованием военного блока против нас из Японии, Германии, Польши. Тухачевский искусно руководил моим изучением условий военных столкновений на западе и с дьявольской настойчивостью вливал в меня яд неверия в мощь Советского государства против об"единенных сил реакции и фашизма. Я метался, как ошалелый. Могут подтвердить другие - ставил вопросы об усилении обороны на западе, горячо работал, учил войска, то впадал в ужасный пессимизм. Я не пошел к партии со своими колебаниями, мучениями, не был откровенен и стал губить дело и погиб сам.

А Тухачевский был около меня и делал свое ужасное дело. Я знал, что Тухачевский давно ненавидит Ворошилова, что Тухачевский честолюбец и интриган, но все это я скрывал от партии; наоборот, где только можно, хвалил и поддерживал Тухачевского. Военный авторитет Тухачевского был для меня непререкаем. Мне казалось, что он правильно и настойчиво ставит новейшие небольшие военные вопросы. Теперь только мне ясно видно, что в его постановке не было ни исторической, ни современной научной базы, а был авантюризм, безрасчетливость и вредительство. Почувствовал я это крепко в 1933г. - по вопросу о дивизии и бригаде. Я не был тогда мерзавцем и негодяем, честно подошел к этому вопросу и боролся против Тухачевского вплоть до середины 1934 года, пока не был этот вопрос решен и решен правильно.

В конце концов политические заблуждения, гниль, неверие в мощь Советского государства привели меня к гибели, потере элементарной военной чести, на путь предательства и измены партии и народу - на путь вступления в военный антисоветский заговор в марте 1935 года.

Вступив в заговор, приняв установки Тухачевского, для действий на случай войны, - не знал, что за этим идет вся оголтелая сволочь изменников и троцкистов. Вступив в заго-

вор, став контрреволюционером, я получил те ужасные директивы Тухачевского на поражение и вредительство, для политической характеристики которых невозможно подобрать ни слова, ни выражения.

Я стал выполнять эти директивы, стал изменником и предателем.

В Красной Армии и в советском народе не может говорить предатель-командир ни одному красноармейцу, что нужно восстать и изменить советской власти. Каждый понимает - это безнадежно. Поэтому наша изменническая и предательская работа велась особо гнусным способом, пользуясь тем, что мы занимали высокие посты и имели доверие партии.

Мы строили секретные планы операции на поражения (операции вторжения); проводили прикрытое и неприкрытое вредительство в строительстве материальной стороны обороны (бензо, огнеприпасы и т.д.) и что особенно гнусно - разлагали души и честь командиров, вовлекая их на путь вредительства, поражения и измены. Немного таких слабых душонок нашлось в РККА, но это не уменьшает всей гнусности нашей антисоветской работы.

Моя личная оценка и выводы всего этого гнусного дела, пройдя через следствие и признание, пройдя через презрение к себе и подобным, такова, что я вижу всю преступность своей работы последних двух лет; убежден глубоко и искренно, что победа Красной Армии над армиями фашизма обеспечена, что ликвидация этого гнусного заговора и участников укрепит сов. власть и родину трудящихся.

Я прошу партию, народ и армию простить мои ужасные преступления и, пройдя через муки и страдания, умереть прощенным за зло и предательство.

Уборевич.

9 июня 1937 года.

Верно: Секретарь 5-го Отд. Главного управления
государственной безопасности НКВД СССР
(подпись)